

An aerial photograph of a mountain valley with a winding river. The image is overlaid with several bullet holes of varying sizes, some of which are positioned over the text. The author's name is at the top, and the title is at the bottom.

**ЮРИЙ
ЯКОВЛЕВ**

**Рассказы
для грузин**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Семёнович Яковлев

Рассказы для друзей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41650694

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказы о том, как мы жили, дружили, любили, шутили, о чем мечтали. О службе, встречах и событиях, которые были в Афганистане и на китайской границе. Просто с юмором и теплом про наше детство и Одессу. Это наша жизнь, она нам нравится. О друзьях и для друзей. В оформлении обложки и в тексте книги использованы фотографии из архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Афганистан	4
Про любовь на войне	6
Рассказ капитана Пенягина	10
Лопата	13
Вертолётчик Саня Петренко	19
Смелым быть просто	29
Где-то в ущелье Дарваз	36
Дезинформация	42
Ветеран «чужой» войны	46
Ангел-Хранитель	49
Его звали Зурон	53
Люди и звери	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Афганистан

Про любовь на войне

В тот вечер басмачи нас не обстреливали. Застава, или «загранобъект погранвойск на территории ДРА», располагалась высоко в горах, на склоне ущелья, на перекрёстке караванных троп. Там внизу, под нами, шумела прозрачная река и виднелся мостик возле кишлака. Чуть правее, на крутом склоне за речкой, в пещере, за арчой (это такой можжевельник) была позиция пулемета ДШК, из которого они били по нашим вертолётам короткими очередями утром со стороны восходящего из-за гор солнца, чтобы мы не могли их засечь по вспышке. Крупные пули не свистели, а шипели, как проносящиеся с огромной скоростью камни.

Был тихий весенний вечер. Пахло чабрецом и ещё разными цветущими травами, запах которых смешивался с запахом горящих дров. В соседней землянке готовили ужин. Все офицеры – два капитана и один старший лейтенант – собрались в штабной землянке, где единственным развлечением, после прочтения двух имевшихся книг и старых журналов «Огонёк», была игра в «шиш-беш», в которую все уже играли автоматически, думая о чём-то другом.

Вот заговорили о своих любимых женщинах, которые ждали их в Союзе. Капитан разведчик, по имени Женя, показал фотографию своей жены. С первого взгляда была видна яркая и заметная всем красота.

И что, ты надеешься, что она сейчас с такой внешностью и одна? – спросил Саня, командир заставы, капитан.

А что ты ей подарил на восьмое марта в прошлом году? – поинтересовался «зампобой» (заместитель по боевой части), старший лейтенант.

Я ей подарил голубой пеньюар, дома ходить.

Так вот сейчас с неё кто-то снимает этот пеньюар, – продолжил капитан, глядя в глаза разведчику Жене. Уж очень ему хотелось вызвать муки ревности.

Это вы от зависти. Да, красавица. Но мне лучше есть торт сообща, чем дерьмо в одиночку, – спрятался он за спокойным цинизмом, хотя на самом деле так не думал.

Да, а пеньюар снимают, уже сняли, – продолжил старший лейтенант, желая всё-таки вывести Женю из равновесия.

А вы молча кушайте, что дают, торта вам не хватило.

Ладно, – решил примирить всех капитан. – Некрасивых женщин не бывает.

А что, как говорят, бывает мало водки? – поинтересовался «зампобой».

Нет, бывает мало Афгана. Когда здесь долго посидишь – все красавицы.

Через несколько дней разведчика Женю ранили. Ранения бывают, как в кино, – в руку или в ногу, когда всё быстро заживает и герой уже заглядывается на молоденьких санитарок в госпитале. А бывают и другие, когда пуля разбивает

мочевой пузырь, и

раненый ходит с привязанным на боку мешочком, куда всё скапливается, и тогда он смотрит на санитарок совсем другими глазами.

У Жениной судьбы был выбор – ангел-хранитель распорядился по-своему. Пуля попала в висящую на поясе спереди гранату «Ф-1» и рикошетом прошла ногу. Судьба явно готовила его для любовной истории.

Женю отправили лечиться в госпиталь, в Союз. Вы думаете, подошла к симпатичному капитану, героически раненному в героическое место, молодая медсестра, и всё началось?

Да, подошла, да, молодая, да, обнажила герою «крутую задницу», как сказали бы теперь, сделала укольчик и ушла. Обычная до банальности любовная история не состоялась.

А к герою-разведчику срочно приехала жена-красавица. Сняла хороший номер в гостинице. Но Женю не отпустили в город: рана не зажила, да ещё и на костылях. Чтобы ничего не случилось, – отказать всегда легче, меньше ответственности.

Вечером жена подогнала такси к ограде госпиталя, и наш разведчик перебросил через высокий забор костыли, а потом и сам, с божьей помощью, перелез. У них была чудесная любовная ночь – весенние ночи в Средней Азии тихие и уже теплые.

С рассветом Женя вернулся через тот же забор в госпиталь, никто не заметил его отсутствия. Целый день спал, а

вечером – опять через каменный забор к своей любимой.

Когда возвращался, злые охранники изловили героя и повели «на допрос» к начальнику госпиталя.

Я тебя выпишу недолеченным, – пригрозил начальник госпиталя. – Ты мне тут заразу всякую принесёшь, бегаешь по разным бабам.

Я не по бабам, я к любимой жене.

И тут прозвучала фраза, поразительная по своей логике.

Не ври. К своей жене на одной ноге через двухметровый забор не бегают!

2015 г.

Рассказ капитана Пенягина

Вы умеете приседать на одной ноге «пистолетиком», вытянув вторую ногу вперёд?

А он умел, при своих 90 кг веса делал это каждый день. В туалете. Нога плохо сгибалась в коленном суставе. После ранения. Это врачебная тайна? Да ему всё равно, он умер в этом году. Жалко, первыми уходят те, кто знал о войне больше других. Да, больше всего знали о войне офицеры в звании от лейтенанта до подполковника. Они вели эту войну. Может, и полковники с генералами тоже воевали, но больше на карте в штабах, мы их не видели на той войне. Особенно в самых забытых богом местах. И рядовые знали о войне, но у них свой взгляд на неё, часто ограниченный их функциональными обязанностями. Правду говорил один ветеран Отечественной войны: «Все бежали – и я бежал, все стреляли – и я стрелял...» Так честнее, чем пересказывать книги о направлении главных ударов и замыслах полководцев. Хотя бывает и так, что и офицер ничего не понял, а рядовой узнал и понял всё о войне. Недавно я сказал немолодой уже женщине, что служил в Афганистане, она заулыбалась и с пониманием предмета произнесла: «Я знаю, вы там варили суп из маковой соломки и жарили пирожки с гашишем»! У кого-то и такой рассказ имел место. У каждого был свой Афган.

Мы сидели с Пенягиным в землянке на стульях, сколочен-

ных из снарядных ящиков. Крыша землянки была сделана неудачно, летом дождей не было, а зимой она протекала.

На потолке натянули полиэтилен, по которому капли дождя стекали в подставленный металлический ящик – «цинк» из-под сигнальных ракет. Ещё по натянутому полиэтилену бегала крыса, барабаня лапами, а два раза проползала змея. А трогать их нельзя было, чтобы не пробить натянутую пленку. Крыса, пользуясь неприкасаемостью, показывала нам зубы. Такой вид снизу. Оскал или улыбка – не поймёшь. На стене под потолком были чёрные пятна – это разведчик так уничтожал фаланг или скорпионов. Вытаскивал пулю из патрона, вставлял туда пожеванную бумажку и стрелял из автомата в насекомых.

Пенягин рассказывал, как его ранили.

Служил он тогда не на горном участке Афганистана. Это из других округов офицеров присылали в Афган на два года, а в Среднеазиатском пограничном округе офицеры ездили «за речку» как в обычную командировку. Расположились они своей заставой ММГ (мото-маневренной группой) в безводном месте. И ездили на автомобиле ГАЗ-66 с прицепной бочкой за водой к реке. Это был риск попасть на мину, но надеялись, что расстояние до своих совсем небольшое. И вот Пенягин поехал старшим за водой. Когда возвращались, бойцы попросили остановиться возле бахчи, поменять парочку арбузов на имеющиеся у них мыло или соль. Он запретил останавливаться, и, объезжая лужи, в которых

стали часто ставить мины, на полном ходу они поехали к себе на базу. Когда проезжали мимо бахчи, попали в засаду. Первые пули разбили ветровое стекло автомобиля. Одна пуля попала в колено капитану. Осколок стекла угодил в лоб водителю, потекла кровь на глаза, и он от испуга на ходу выпрыгнул из машины. Пенягин упал руками на тормоз и сцепление и заорал что было сил: «Назад в машину»! Этот крик подбросил водителя с дороги, машина ещё не остановилась, а он уже запрыгнул на своё место и нажал на газ.

В это время в кузове под тентом бойцы вели свой бой. Пулемётчик сквозь брезент на звук выстрелов выпустил длинную очередь. Повезло, что в кого-то попал, и это вызвало замешательство у басмачей в самый опасный момент. Входящую машину они выстрелили из гранатомета. К счастью, граната попала в деревянную часть кузова, струя рассеялась, обожгла и ударила ниже спины бойцу, который отстреливался, высунувшись из-под тента над кабиной в передней части кузова. (А почему «к счастью»? Потому что попадающая в железную деталь граната образует струю из расплавленного металла и твердых частиц, которые убивают. А так – только синяк и ожог.)

Пенягин закончил рассказ со своей обычной улыбкой на добром лице:

– Вот теперь в туалет ходить неудобно, а в гору по тропе – так даже меньше устаё

2015 г.

Лопата

Такую кличку ему дали бойцы ДШМГ. На самом деле он майор Шевчук, начальник штаба десантно-штурмовой маневренной группы Московского погранотряда. А ещё там был опытный сержант, из Москвы, высокий крепкий парень, фамилию уже и не помню, но звали его Гена, ну и кличка, конечно, «Крокодил». Вот, после того боя он собрал бойцов, и они постановили: кличку «Лопата» больше не использовать. А почему, собственно, «Лопата»?

Всегда заставлял бойцов окапываться, а на Памире это проблематично.

Однажды нашли место, где можно окопаться на краю обрыва, под которым была осыпь из мелких камней, и далеко внизу шумела горная река. Но этот участок оказался древним заброшенным кладбищем. Один, как бы сейчас сказали, «продвинутый» солдат, из городских, собрал добытые при раскопках желтые черепа и сложил на краю обрыва в большую пирамиду.

– Что это за безобразие? – спросил Шевчук у бойца.

– Это «Апофеоз войны». Художник Верещагин.

– Вот ты у меня получишь на орехи, вместе с Верещагиным. Местных не наблюдаете?

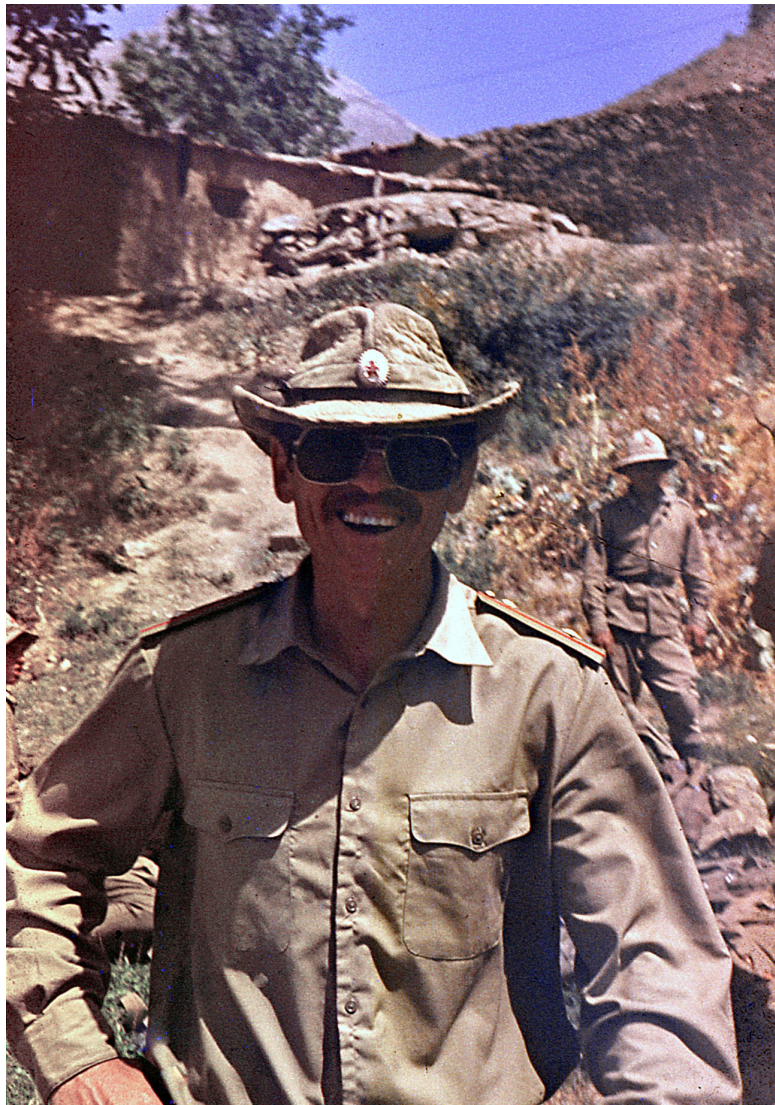
– Нет.

Шевчук подошёл к страшной пирамиде и начал сапогами

сталкивать черепа с обрыва. Черепа прыгали по осыпи с сухим стуком, как пластмассовые шары, и их уносила река. Это не было страшно. Вот только потом, после Афгана, это снилось уже в качестве кошмара.

А тот бой был на год раньше. ДШМГ высадили на вертолётах в местность не такую, как у нас на Памире, а с более пологими горами. Надо было ловить банду «Инженера Башира», который получил из Пакистана ракеты класса «земля-земля» для обстрела советской территории.

Ошиблись с местом высадки на несколько километров. И это стало известно бойцам. Дело уже шло к вечеру, и было принято решение перебазироваться утром в точку, обозначенную на штабных картах. Шевчук

поставил задачу окапываться. Бойцы возмутились: завтра уходить, а тут приказ рыть окопы. Они начали ворчать и лениво ковыряться лопатами, – можно и без окопов залезть в спальники. Шевчук рассердился и, проходя по

позициям, чуть ли не пинками подгонял «войско». К ночи добился своего: все вырыли окопы.

Собрались отдыхать.

В этот день у фельдшера группы был день рождения. Солдаты решили отметить его салютом. Ровно в 12 ночи, сделать вид, что кому-то что-то показалось, и открыть стрельбу. Сигнал к стрельбе – граната, брошенная фельдшером. Настала полночь. Фельдшер вытащил чеку из гранаты и выглянул из окопа. Но бросать гранату было нельзя, к ним двигалось большое вооруженное подразделение. Все решили, что это «сарбозы», афганские солдаты, которые тоже участвовали в операции. Фельдшер всегда оказывал им медицинскую помощь.

–Сарбозы, раненые аст (есть)?– крикнул он.

– Шурави сарбоз, сдавайсь, – услышал в ответ, и гром выстрелов.

– Ну, нет раненых, так будут, – сказал фельдшер и бросил свою гранату.

Многие бандиты были под воздействием наркотиков и пошли прямо через боевые порядки застав. Некоторые из них падали перед окопами, но многим удавалось прорваться в

темноту.

Бойцы Селищев и Фёдоров сидели в своём окопе, когда началась стрельба. Сначала подумали, что это «праздничный салют» в честь фельдшера.

– Посмотри, что там происходит, – попросил Фёдоров. Селищев встал и выглянул через бруствер.

– Ну что там? Почему молчишь? И голову опустил. Тебе плохо? – Фёдоров сам встал и повернул к себе Селищева. И увидел пулевое отверстие на лбу у товарища и остекленевшие глаза. В это время над бруствером окопа появились три басмача, которые стреляли на ходу. Фёдоров в оцепенении закрылся телом Селищева, но сразу опомнился, оттолкнул мёртвого друга, закричал и длинной очередью скосил бандитов. Более двадцати моджахедов остались лежать перед нашими позициями. Остальные ушли в темноту, в сторону гор. После этого боя Фёдоров стал терять сознание, если офицеры повышали на него голос. Все это знали и старались общаться с ним спокойно.

Старший лейтенант Мартьянов стрелял из своего окопа, когда граната взорвалась рядом, за бруствером. Он потерял сознание, а пришёл в себя через 15 минут. Собирался в отпуск, поэтому отказался от госпитализации. Через несколько месяцев я его встретил в вертолёте. Он держался за голову, а глаза были красного цвета. После стрельбы контузия дала о себе знать. Подлечили, отправили служить в Хорог, на Памир. Там тоже ему не очень повезло. Басмачи начали

обстреливать дорогу на советской территории. Мартьянов во главе группы на БТРах выехал к месту обстрела. Дорога была памирская, вдоль реки Пяндж. Спешили, задели за скалу, и БТР упал с крутого склона в реку. Мартьянов остался жив. После госпиталя его отправили служить в Прибалтику. Где он сейчас? Никто не знает.

Столько было интересных людей, всех и не вспомнишь. Вот разведчик Юрий Шутов, майор Шутов.

– Я здесь не ем рыбу.

– Здесь, «за речкой», выбирать не приходится, – говорю ему, – всё лучше, чем консервы.

– Нет, рыбу не ем.

– Религия не позволяет?

– Нет, воспоминания. Река прибила к берегу труп неизвестного афганца. Мы вместе с представителями местной власти стали его вытаскивать. У него была проломленная голова, видны мозги. Когда его оторвали от воды, большая рыба выпрыгивала вслед за ним и продолжала есть мозги. Как в фильме ужасов. Не ем рыбу.

– Главное, чтобы она нас никогда не ела, – заметил Шевчук. Бывшая «Лопата». Сколько он спас людей, заставив окопаться бойцов перед тем боем? Да, надо знать, что лопата спасает бойцов. Конечно, и умелый санитарный инструктор, и вертолётчики, и опытные умные командиры спасают. И ангел-хранитель. Но и лопата – тоже. Кого не спасёт – того в последний путь проводит. Сентябрь 2016 г.

Вертолётчик Саня Петренко

Я не помню, как мы с ним познакомились. Может, в офицерской «приезжке» – комнате для приезжих офицеров в Калай-Хумбе, а может, в вертолёте при частых моих перелётах по заставам ММГ и ДШМГ (мото-маневренных групп и десантно-штурмовых маневренных групп), разбросанных по ущельям Афганистана для прикрытия дальних подходов к нашей границе.

У Сани была открытая приветливая улыбка и тёмно-карие глаза на молодом лице.

Вертолётчики в Афгане – это уважаемые люди. Особенно, которые летали на МИ-8. Это был незаменимый вертолёт. Тем более что на нашем горном участке, где дорог не было, только караванные тропы. Он и грузовик: привозил дрова, и еду, и боеприпасы. Это и военная техника: мог нанести ракетно-бомбовый удар, поддержать с воздуха, и, может, самое важное, – это и скорая помощь, чтобы спасти раненых. Это и наш «Чёрный тюльпан» – забирал «двухсотых». В горных условиях вертолётчики летали мастерски. Часто садились, зависая над скалами, цепляясь только одним колесом за камни. На нашем участке запомнились такие фамилии: Кашин, Быков, Помыткин, Имангазиев, Райков. Цыплёнков с Восточного округа. Да много их было, настоящих героев. Иногда их внешность была обманчива.

Вот Быков, невысокого роста, с простым славянским лицом, говорит офицерам: «У вас тут шиповник растет, насобирайте, буду пить отвар, врачи рекомендуют». А в небе он «отважный сокол». Когда в горах наши попали в засаду, ещё продолжался бой, были убитые и много раненых, он будничным таким голосом сказал в эфире: «Не поминайте лихом, иду на посадку за ранеными». И забрал их, хоть и получил пробоины в корпусе вертолётa от пуль и осколков гранат.

Так, я хотел рассказать о Сане Петренко.

Был туман в горах. Может, это просто низкие облака, высота над уровнем моря – 2000 метров. Какое там было море поближе? Индийский океан? Туман, вертолётy не летают.

Сижy на «точке» Пашар, которая разместилась на гребне скалы возле одноименного кишлака. Уже две недели не могу улететь, а надо попасть на высоту 3600, «Чашм-Дара». Уже и продукты заканчиваются, а вертолётов нет. Ночью выпало много снега. А утром раздался гул моторов пары МИ-8. Прозвучала обычная команда: «Борты! Объект к бою, разгруз-погруз команда на площадку!»

Прилетел Саня. Я схватил свой рюкзак и автомат и попросил его высадить меня на

«Чашм-Даре» Он согласился – будут пролетать мимо. На «Чашм-Даре» попытались

сесть, но вертолётная площадка была не почищена, лежал глубокий лёгкий снег, который сразу взлетал вверх, и вертолёт тонул в снежных потоках. Саша повернулся ко мне.

– Сесть не можем, летим в Союз, в город Пяндж.

– А назад?

– Назад – не знаю, когда.

– Так положите меня на место, где взяли.

– Топлива мало, если сделать ещё одну посадку, может до Пянджа не хватить. Но есть вариант, если прыгнешь на Пашаре на ходу в сугроб метров с четырёх.

– Хорошо, прыгну.

Я снял с себя рюкзак и автомат. Рюкзак тяжёлый: вещи, боеприпасы, а автомат – стальной. Думаю, в полёте они меня обгонят и упадут первыми. Поэтому выдерну их из вертолёта во время прыжка. Я ошибся, они летели за мной и попали по спине в момент приземления.

Вертолёт нырнул в ущелье и скрылся за скалой. И тишина. Только кто-то из бойцов тихо хихикал на посту.

Следующий раз была весна, и мы с Саней летели на «Шхаро», где в то время басмачи стреляли по каждому вертолёту. Пошли на снижение, Саша поворачивается и с хитрым лицом говорит:

– Стреляют, может, опять прыгнешь, чтобы не садиться?

– Без снега, надо пониже пролететь.

– Ну давай, пора.

На этот раз я рюкзак надел на спину, а автомат взял в руки.

И открыл дверь.

– Стой, стой! – закричал Саша. – Я пошутил. Высота ещё 200 метров, я подсяду за скалу.

– Хорошие шутки, а если бы я не посмотрел и прыгнул?

И ещё запомнился эпизод. Многое забылось, особенно фамилии, названия рек и кишлаков. А вот это запомнилось. Новый 1986 год. Объект «Калай-Куф». Переводится как «Крепость на реке Куф». Говорят, была крепость, но камни растащили на строительство домов в кишлаке. 30 декабря, идёт мокрый снег. Надежды на вертолёт нет никакой. А у меня есть разрешение съездить на Новый год к жене и четырёхлетней дочке в город Хорог.

Пошли мы со старшим лейтенантом Гурьевым за ёлкой-арчей.

Арча – это такой можжевельник, похожий на ель. Сказал об арче, отвлекусь и про Гурьева. Боевой офицер, участвовал в операциях, не боялся ходить в головном дозоре. Перед заменой его хотели и наградить. Но у него в подразделении трое бойцов-разгильдяев выменяли на мыло у афганцев наркотик: опиум-сырец («чарс» они его называли) и накурились до невменяемости. Разгильдяев-наркоманов отправили в Союз с «лишением льгот», которые потом всем таким восстановили. Гурьев уехал по замене из Афганистана без наград, но с выговором в личном деле. Поэтому награды там – дело случая. Могли наградить, когда надо было наказывать, и наоборот. Главными наградами были жизнь и здоровье. Когда я только приехал на два года в те края, там провожали одного офицера в Союз. Он уже прослужил в Афгане два года, лицо было чёрное от загара, худое и с

усами (фильтры от пыли, как говорили). Такими там все становились. Он посмотрел на меня, ещё бледнолицего.

– Ты, наверно, хочешь здесь получить награды и звания?

– Нет, я не об этом мечтаю.

– А о чём?

– Хотел бы за два года не быть убитым, раненым, контуженым и не заболеть желтухой.

– Ты слишком много хочешь! – и они все стали смеяться.

И вот с Гурьевым мы выбрали ёлку-арчу. (фото автора)

Подняли нижние ветки, чтобы срубить, а там прикреплена противопехотная мина, и оттяжка спуталась под снегом. За пять лет войны уже было много таких потерянных мин. Мы решили её не трогать, срубили другое дерево, а к этому потом послали сапёра.

Бойцы стали наряжать «ёлку». Связисты разобрали конденсаторы, достали алюминиевую фольгу, сделали из неё украшения, начистили до блеска гильзы разного калибра, колпачки от мин. А мне так хотелось домой! Но продолжал идти сильный мокрый снег. Вдруг связист сообщает, что вышел на связь вертолёт, он у входа в ущелье, не может залететь по погодным условиям. И это оказался Саша Петренко.

Я поздоровался с ним и попросил.

– Забери меня, Саня, домой на Новый год, если сможешь.

Пауза.

– Ты очень хочешь домой на праздник?

– Ну как тебе сказать. Не рискуй, конечно.

– Будь готов, сейчас прилечу.

А снег продолжал идти, гор не видно. Сквозь снег послышался звук мотора, и из снежной мглы появился вертолёт. Подсел, выгрузили посылки и письма бойцам, забрал меня и взлетел в снежную круговерть. В кабине было прохладно, а по Саниному лицу от напряжения тёк пот. Он шёл по ущелью буквально на ощупь.

Я успел к Новому году. Какой был замечательный праздник! Ёлка,

молодая веселая жена Лена, и подарки от Деда Мороза дочке, и торт со взбитыми сливками, ещё теплый, и шампанское. А если посмотреть с улицы – то окно запотевшее на кухне, – значит, уют и готовят что-то вкусное, и разноцветные огоньки в комнате, где ёлка. Спасибо Саше.

После Афганистана, в 1990 году, я был у него в гостях в Петропавловске-Камчатском. Он остался таким же приветливым, улыбчивым человеком, без всякого «послевоенного синдрома». Потом нас всех судьба разбросала по разным городам, а политики нас поделили и по разным странам.

2015 г.

Смелым быть просто

После этого боя в горах замполита Г-ва перевели из Афганистана в Союз, подальше от своих сослуживцев. Знали, что его не простят. Ещё утром его предупредил по радиостанции разведчик Долгов, что басмачи в эту ночь готовили свою засаду на тропе, ниже нашей заставы. А он это скрыл от других офицеров. Поставил жизни подчинённых под угрозу. Хотел сам стать «великим полководцем» и победителем, внезапно зайдя в тыл к противнику на помощь головному дозору. Тут и почёт, и награды. Да вот заблудился в темноте среди крутых скал и, когда начался бой, не смог спуститься к реке.

Был тихий вечер, какие бывают на Памире ранней весной, когда пахнет талым снегом, мокрым брезентом и оружейным маслом. Маслом всегда пахнет – автомат всегда при тебе.

Капитан Гена Цеханович вместе с прапорщиком Костей Ямщиковым готовились к выходу в ущелье, где возле речки планировали организовать засаду на басмачей. Они вместе с двумя тройками бойцов будут идти первыми – в «головном дозоре». Все надели белые маскировочные халаты. Волнение, сборы, побольше боеприпасов, гранат.

Вот они уже идут по тропе вниз, вдоль ручья. Впереди три солдата, затем Гена с Костей. Гена высокий, худой, когда улыбается – лицо становится задорным, как у мальчишки. Костя – с очень короткой прической. Отчаянный воин, всегда готов побеждать. В Союзе очень часто дрался и попадал в милицию. Его в Афганистане несколько раз представляли

к боевым наградам, но как съездит в отпуск, так за ним приходит сообщение из милиции, и награду отменяют. Он это объяснял своей отзывчивостью. Вот опять приехал из отпуска с синяком на спине, по форме – чёткий отпечаток обуви с рифлёной подошвой.

– Да, – говорит, – вижу, бьют втроём одного, я сразу и вмешался.

Простой парень из Поволжья. Жалко, что его потом серьёзно контузило бандитской гранатой. Я видел в санчасти деревянный подоконник возле его кровати, весь погрызенный, как бобром. Это у него так болела голова, что он хотел отвлечь боль на свои зубы.

Он учил, как просто быть смелым на войне.

– Смерть и ты – это несовместимые понятия. Пока есть ты, нет смерти, а когда есть смерть – тебя уже нет.

– А если у меня ещё жена и дочка?

– Да, конечно, им ты можешь капитально подгадать своей смертью. Как и я родителям.

А Гена из Белоруссии. Кто-то его спросил, чтобы он делал, если бы басмачи были у него на родине.

– Я бы не сидел сейчас здесь, в землянке, а гонял бы их по лесам и болотам.

Вот они спустились ниже, к ущелью, где снег уже растаял. Гена дал команду снять маскхалаты. Ещё несколько минут ходьбы, и показался из темноты дувал одиноко стоящего дома. И тут началось. Два пулемета, десятки автоматов и вин-

товок «бур» открыли огонь по головному дозору. Первые три бойца успели ответить автоматным огнем, бросить гранаты в противника и залечь среди камней. Но прятаться возле ручья было негде. Басмачи стреляли, кидали гранаты, скатывали сверху огромные камни и орали: «Шурави сарбоз, сдавайсь!» (Откуда только слово такое узнали, лингвисты хреновы!)

Цеханович упал среди камней, стал лихорадочно соображать, какое найти правильное решение. В это время пуля попала в камень возле лица. Прятаться было негде, и он инстинктивно повернул лицо в другую сторону. Но и там пуля высекла искры из камня.

– Костя, надо отходить, нас здесь перестреляют.

– Теперь нельзя уходить, в первой тройке бойцов есть раненые.

– Но на месте оставаться нельзя – слишком большая плотность огня.

– Свяжемся с базой, попросим помощи.

– Пуля попала в радиостанцию.

– А где наш пулеметчик? – спросил Гена у связиста.

– По закону подлости у него заклинило пулемёт, камушек попал или осколок.

В наступавшие паузы в стрельбе было слышно, как кричал рядовой Головченко из первой тройки. Лучше бы он матом ругался. Ему гранатой или очередью из пулемёта оторвало руку, и над ущельем слышался его жуткий крик: «Мама, ма-

мочка! Неужели я умираю?»

И опять: «Мама, мамочка!» И очереди из пулемёта на звук его голоса.

–Ну раз нельзя оставаться на месте и отступить нельзя, один выход – пойдём наступать, прикроем раненых, – предложил Константин.

–Да, только уничтожим вот этого, что высовывается из-за камня, в пятнадцати метрах от нас, стреляет и прячется.

Дождались, когда он высунется, и уничтожили его из двух автоматов. Потом пошли в атаку: один прикрывает огнём, другой делает перебежку. Константин чуть выше, а Гена на нижней тропе. К Косте под ноги скатилась граната, и он прыгнул вниз, попал на спину капитана. Гена закричал и начал с ним бороться, думал, что пытаются живьём взять. Рядом взорвалась очередная граната, но осколками не задело.

Подполз фельдшер Трохимчук.

–Товарищ капитан, я поползу к Головченко, окажу помощь.

–Подожди, пробьёмся, там двумя пулемётами с флангов басмачи не дадут тебе прохода.

–Он ждёт помощи, я фельдшер, я обязан, – и пополз вперёд. Его все начали прикрывать огнём, он даже дополз до раненого, но когда развернул в темноте белые бинты, их стало хорошо видно, и пуля вошла ему в грудь.

В это время граната попала рядовому Перцову в капюшон зимней куртки. Он слышал, как там шипит горящий запал.

Его рука изогнулась невероятным образом, схватила гранату и выбросила в камни, где и произошёл взрыв.

Басмачи начали уходить, услышали, как с соседнего объекта бежала большая группа бойцов выручать своих. Они пускали ракеты и стреляли перед собой, чтобы не попасть в засаду.

К этому времени Головченко умер, а Трохимчук был ещё жив и спокойно сказал, что рана у него слишком серьезная, можно не тратить на него бинт.

Через год один из басмачей перешёл на сторону власти и рассказал нам, что их было тогда восемьдесят человек, и удивился, что в такого высокого капитана не попали. Гена улыбнулся:

– Неудобно было стрелять: я, когда лежал, сгибался буквой «Г». А в букву «Г» не знаешь, как целиться, вдоль или поперёк.

Потом Гена был в отпуске. Вернулся в Афганистан, рассказал, как первый раз в жизни потерял над собой контроль. Заехал в Москву, где на улице Парковой был «чековый магазин» – там продавали иностранные товары за чеки «внешторга», и там можно было купить подарки друзьям и родным. Походил по магазину, посмотрел, как упитанные и бледнолицые сотрудники посольств тратят огромные деньги, а худые и загорелые воины-интернационалисты пытаются что-то купить на свои небольшие сбережения. Выходит он на улицу, и к нему подкатывается модный парень: «Командир, продай

чеки».

–И тут,— говорит Гена, – так стыдно, я его схватил, повалил на землю, начал трясти. «Там люди воюют, а ты здесь чеки сшибаешь, гад!» Потом опомнился, отпустил его, извинился, тот ему в ответ: «Ну не хочешь продавать, так не продавай». И убежал.

–Гена, так у тебя послевоенный синдром! –говорю я ему.

–Какой послевоенный, война ещё не кончилась.

–А больше ты ничего странного за собой не заметил? Ну, может, сны повторяющиеся?

–Нет. Но знаешь, смотрел фильм про Отечественную войну, там люди гибли, а у меня слеза навернулась, как у старушки.

–Ну вот видишь, приедет доктор, на следующий отпуск пропишет валерьянку.

–Лучше сто грамм коньяка.

–Можно и двести, чтобы вернуться в мирную жизнь.

2015 г.

Где-то в ущелье Дарваз

Вечером подул ветерок, и москиты перестали кусаться. Хуже москитов только земляные блохи, которые залезают под одеяло и не дают спать. Можно поспорить, конечно, кто из кусающихся в Афганистане был хуже всех. Но москиты – маленькие, светлые, в отличие от комара, подлетают без звука, кусают – не чувствуешь, но потом чешешься до крови.

Но и блохи – тоже сволочи кусачие и бесшумные. Один лейтенант-«двухгодичник» (были такие, призванные в армию после института), на постоянном посту, прикрывающем заграничную заставу с господствующей высоты, изобрел эгоистичный способ защиты от блох. Он вечером раздевался, залезал на стол и давал команду «отбой» солдатам. Бойцы ложились в спальники. Он ждал на столе, когда блохи разойдутся по вкусным отдыхающим солдатам, затем сам, как блоха, прыгал в свой спальник и быстро застёгивался. Говорил, что помогало.

Был вечер, мы сидели в такой вот беседке: вокруг снаряженные ящики с землёй – защита от пуль и осколков, скамейки – из снаряженных ящиков, стол – из снаряженных ящиков, игра на столе «шиш-беш» – из снаряженного ящика, сверху натянута маскировочная сеть – из снаряженных ящиков? Нет, обычная сеть.

Офицеры были собраны с разных районов Афганистана

для усиления на период проведения крупной боевой операции. Это называлось «сводная десантно-штурмовая группа», или «сбродная», как иногда сами её называли.

Разговор начался, как в детских стихах: «А у меня в кармане гвоздь, а у вас»? Откуда гвоздь в кармане у офицера в Афганистане? Не было гвоздя.

Кто-то позавидовал, что у нас на высокогорном участке много вкусной воды. А у них в пустыне – красноватая вода, из-за которой в первую неделю службы все страдают от поноса, потом организм привыкает. К чему он только не привыкает! Зато никакие проверяющие начальники никогда не приезжают. Кому хочется обдристаться?

– А к нам сюда в горы тоже никто не приезжает. Стреляют, и дуканов нет, чтоб что-то купить, – сказал майор

– Обдристаться – это совсем не страшно, – поддержал «культурный светский» разговор капитан и рассказал о том, как у них офицер от страха потерял дар речи. Во время боестолкновения выскочил из-за угла дома и стрельнул в басмача, но автомат только щёлкнул – патроны кончились. Басмач усмехнулся и поднял свой автомат, но кто-то из наших бойцов срезал его из-за дувала. А офицера увезли в госпиталь восстанавливать речь. Восстановили. Молодые санитарки быстро восстановили. Они любят разговорчивых.

– Давайте о чем-нибудь повеселее, – помрачнел майор. – Я вам расскажу весёлую историю.

Это случилось на пограничной заставе в Туркмении. Пограничный наряд – два солдата и сержант с собакой – шли по границе. Ночь, жара, вечное недосыпание. Осталось до стыка с соседней заставой совсем немного. Сержант решил отдохнуть.

– Вы идёте до стыка, докладываете оттуда на заставу, а я посплю немного здесь. Собака будет меня охранять.

Так и сделали. Двое бойцов ушли, а сержант отпустил с поводка собаку и лёг на траву под куст. Минут через двадцать он проснулся и через прищуренные глаза увидел сидящую рядом собаку. Собака обычно убегала, когда он пытался брать её на поводок. Сержант решил схитрить: длинный

брезентовый поводок был в руке, и его легко можно было набросить на собаку. Собака оказалась неестественно сильной и резвой. Потатила нарушителя пограничной службы по траве и камням. Он присмотрелся уже широко открытыми от ужаса глазами и увидел, что поймал гиену. Пришлось быстро отпустить один конец поводка. Тут и смущенная собака вернулась к сержанту. Почему не гавкала? Не ответила.

– Так в Туркмении нет гиен, – усомнился кто-то из офицеров.

– Есть, достаточно.

– Гиены – это маленькие такие собаки?

– Нет, это шакалы, а гиены – большие.

– А у нас на заставе тоже был смешной случай, – сказал капитан. – Я разрешил наряду досмотреть кино. Привезли фильм: «Миллион лет до нашей эры». Там про всякую нечисть, которая обитала на земле миллион лет назад. Только вышли в дозор – сразу бегут назад и орут: «Динозавры на границе»! Рассказывают, что на контрольно-следовой полосе обнаружили огромные следы, посветили фонарем и в темноте увидели мохнатое чудовище со светящимися глазами. Сажусь на машину, едем на границу. В свете фар вижу двух верблюдов. Пришли из Афганистана, первый раз на этом участке границы. А следы у них действительно огромные.

Началась стрельба на одном из постов. Майор выглянул наружу.

– Ох уж эти боевики из «сбродного» ДШ! Лупят трассирующими пулями. Себя обозначают и пшеницу в поле возле кишлака могут поджечь. Передайте им, что ещё один бесцельный выстрел – весь объект будет сидеть в окопах до рассвета.

Наступила тишина.

– Завтра постреляют. Завтра уйдём в горы вытеснять басмачей за перевал.

2016 г.

Дезинформация

– Какая это дезинформация? – Кричал на меня полковник. Его лицо покраснело, вытянулось. «Дыня созрела», – подумал я, глядя на его голову. Его не любили в контрразведке за природную глупость, странным образом сочетающуюся с мелкой хитростью. Голова у него была удлинённая в горизонтальном направлении, как среднеазиатская дыня. Меня просили его ближайшие подчинённые привезти из Афганистана кепку шестьдесят третьего размера от нововведенной формы «афганки». Хотели, чтобы на его «дыню» налезла. С трудом нашли на складе.

– Это дезинформация? – распалялся он.

– Ну назовите по-другому, – пытался оправдываться я.

– Дерьмо это, а не дезинформация! Дезинформация должна быть заранее подана нам на утверждение, согласована в Москве с Генеральным штабом, оформлены все письменные документы. И тогда мы были бы все награждены! А мы бы и вас не забыли! А так – одна самодеятельность и безобразие!

Зачем я ему сказал об этом при докладе по оперативной обстановке? Лучше бы молчал. Я и так многое не докладывал, зная, как могут испортить дело или судьбу людей неадекватной реакцией вот такие дынеголовые большие начальники.

Все началось ещё поздней осенью. Высаживаюсь с вер-

толёта в ущелье реки Куфаб, где стоял маленький гарнизон. Вместе с прикомандированными миномётчиками всего семьдесят человек. Встречаюсь со своим товарищем из разведки, Юрой Шутовым.

– С первым горным снегом вас! Как обстановка в горах?

– Да, имеются нехорошие сведения. Хотят наш объект уничтожить, захватить склад с оружием. Отчитаются в Пакистане о своей боевой активности и получают за это очередную порцию денег. Знают, что мы не проводим операций в горах в зимнее время. Наглеют, по ночам строят огневые позиции для ДШК вокруг объекта. Днём мы их разрушаем из СПГ (гранатомёт), а ночью они опять восстанавливают. Начать наступление хотят уничтожением вертолёта при посадке.

– Ты докладывал командованию? – спросил я.

– Да, но они считают, что это дежурная информация, ничего необычного. Да и снег уже идёт.

– Что будем делать, тёзка? Может, напугаем какой-нибудь дезой? Кого они боятся?

– Среди них ходили страшные слухи о жестоком афганском спецназе из Кабула.

– Заставим их поверить, что в строгой тайне готовится зимняя операция с использованием этого спецназа.

– Да, я попрошу местного ХАДовца (ХАД это служба безопасности), не очень надёжного сотрудника, тайно подготовить места в школе для ночевки 500 человек спецназа из Ка-

була, – предложил Юра.

– А я буду встречаться со своим помощником из числа афганцев, у которого брат в банде, и объясню его задачи в период операции. Не выдержит, предупредит брата. Чтобы у басмачей была объёмная информация из разных источников, ещё должен «проговориться» в беседе со старостой кишлака переводчик-таджик на другом объекте, в верхней части ущелья.

И опросы местных жителей активизируем с главной темой: где будут зимовать «моджахеды».

После разговора пошёл на наш пост, возвышающийся над кишлаком, поставил на крышу землянки две большие блестящие банки. Это означало, что с наступлением темноты встречаемся с афганцем с позывным «Южный» в условном месте.

– Зачем вы устанавливаете эти банки, товарищ капитан? – интересуются бойцы на посту.

– Вы, главное, не убирайте, – посмеялся я. – Вот пойду на верхний пост и буду их сбивать из снайперской винтовки.

– Ну вы нас хоть предупредите по телефону, мы спрячемся.

– Обязательно предупрежу.

Встреча, как и планировалось, состоялась в полной темноте, какая обычно бывает в горных кишлаках.

Выполнили с Юрой все, что намечали, и стали ждать, что получится.

Через две недели разведчик встречает меня словами из мультика.

– Ура, заработало! Бандиты не только отменили нападение большими силами на объект, а ушли в соседнее ущелье на зимовку. Но там «кормится» местная бандгруппа, которая не желает делиться продуктами с пришельцами. Между бандами возник конфликт, и они уже неделю воюют между собой. А у нас тишина настала. Неожиданный результат! Достойный наград!

Да и мы сами тоже красавцы, когда живые! Это главное.

– Конечно, но всё-таки приятно, что мы что-то умеем в оперативной работе!

– За это и выпьем! Я тут привез из Союза разрешённые литры и даже колбаску копчёную. Вот это награда! Зови офицеров на ужин.

И чёрт меня дернул доложить это дынеголовому! Хорошо хоть выговор не объявил. А вот мой непосредственный начальник наградил денежной премией в размере тридцати рублей. Немножко смешно, но тоже приятно.

2016 г.

Ветеран «чужой» войны

Серёга Наконечный. Один из людей, к которым применимы только положительные характеристики. Бывает такое. Скажете, хорошо умеет скрывать свои недостатки? Так это тоже плюс. Говорят, когда-то был очень жадный человек, который скрывал всю жизнь этот свой недостаток. Такой оказался щедрый человек.

Я помню Сергея во время службы в Афганистане. Ещё совсем молодой солдат, он был фельдшером в комендатуре. Оказывал помощь больным и раненым.

Иногда его посылали по навесному мостику через реку Пяндж с автоматом и медицинской сумкой в афганский кишлак, лечить наших сторонников. Другой бы настоял, чтобы любой выход или вылет в ДРА был зафиксирован для последующих льгот, но Сергей – он скромный, работающий. Физически очень сильный человек. И как часто бывает с такими крепышами – бог ему даёт доброту.

В лихие девяностые годы мы создавали в бандитской Одессе коммерческую службу безопасности для защиты бизнеса. Вспомнили всех знакомых афганцев, пригласили Сергея. Он тогда работал фельдшером на скорой помощи.

Ни разу не пожалели, что взяли его к себе. Во время сопровождения и охраны грузов он всегда был старшим группы. Сам работал и всей группе скучать не давал. Всегда чем-

пион по физической подготовке. Его все любили и уважали. Очень справедливый, сдержанный, – я мечтал назначить его руководителем безопасности на одном из предприятий.

Жил Сергей за городом, в частном секторе. Двое детей, воспитанные, умные, спортивные. И хозяйство: с огородом, с погребом, всё в цветах, ухоженно, уютно. За что он ни берётся, все у него хорошо получается.

Ну что сказать? Я старый чекист, недостатки людей вижу сразу. Но это не тот случай. Разве что считать недостатками скромность да отсутствие стремления урвать себе побольше любым способом? Но я не настолько современен, чтобы считать наглость достоинством.

Случилось с Серёжей несчастье: во время сбора грецких орехов сломалась большая ветка, и он упал с высокого дерева и серьезно травмировался.

После выхода из больницы работать не смог. По медицинским показаниям он должен был получить инвалидность. Пришёл в соответствующую организацию в городе Овидиополь. Там сидит надменный толстый чиновник.

– А что ты сделал для государства Украина, чтобы получить инвалидность? – спрашивает жирный на смеси украинского и русского языка.

– Я платил налоги всю жизнь, работал, – стараясь сохранять спокойствие, ответил Сергей.

– Вот если бы ты воевал, тогда другое дело, – забубнил чинуша.

– Я воевал, – скромно ответил Серёга.

– Ты воевал в АТО?– удивился толстый.

– Нет, в Афганистане.

– Да то была имперская война, а не украинская. Она не считается.

Так хотелось дать ему по морде. Природная сдержанность помогла. Только очень расстроился Серёжа. Как же мы их допустили к власти? И уйдут они не завтра.

И я не знаю, как это случилось. Пока мы зарабатывали на хлеб насущный и не занимались политикой, они проползли, как гады. Такая вот сказка, где зло побеждает добро. Конечно, ещё не конец сказки, да вот жизнь быстро проносится. Быстрее сказки.

2016 г.

Ангел-Хранитель

У моего Ангела-Хранителя круглое лицо, весёлые глаза, румянец на щеках виден сквозь сильный загар. За облаками и в горах много солнца. Он добрый, с юмором и улыбкой. Скорее полный, чем худенький.

Не знаю, как его зовут. Он меня сопровождал с детства, когда я серьёзно заболел – он стоял среди консилиума врачей районной больницы. Они были почти все участниками войны, той самой, Отечественной. На них она наложила отпечаток ответственности и решительности. Только сейчас понимаю, как нам повезло, что нас окружали такие люди! Ну и мой ангел тоже им помогал. Только мы этого ещё не знали.

Явился он мне значительно позже. Я тащился по аэродрому возле кишлака Калай-Хумб со своим рюкзаком и автоматом, в разгрузке с магазинами и в горных ботинках с «триконьями», стальными зубцами на подошве. И он мне явился. Помахал рукой из вертолёта.

– Привет! У тебя билет до какого аэропорта? Ты вообще купил билет или зайцем полетишь? – пошутил Ангел.

Мы там со всеми были на «ты». И с Ангелом тоже.

– Зайцы летают очень плохо и только вниз. А мне вверх, на самую высокую точку, на Чашм-Дару, где снег и лёд. Мне сказали, что борт номер шестнадцать меня отвезет.

– Зачем тебе тот борт, он полный брёвен, будет сначала

разгружаться на Новобаде, а мы идём в паре с ним, сопровождать и прикрывать во время посадки, и выгрузим тебя на Чашим-Даре беспосадочным рейсом.

– Тогда я с вами. Пусть брёвна летают отдельно, люди отдельно.

Ангел знал, что шестнадцатый борт при посадке перевернётся и загорится. И у меня не будет шансов остаться живым среди брёвен.

Я не спросил, как его зовут. Ангелов-Хранителей не надо звать, они сами приходят.

Он был прикомандирован с экипажем из Магадана. На самом деле это не так. Ангелы не живут в Магадане. Они в небе. И в магаданском тоже. А Хранитель прикомандирован ко мне без экипажа. Или у них там взаимопомощь, как в экипаже?

А когда женишься, Ангел-Хранитель помогает или просто смотрит с интересом? Он же точно знает, хорошо ли это кончится для его подопечного. Когда говорят: «Я держу руку на пульсе», это означает: «Я ни фиги не делал и не буду делать, чтобы помочь тебе или повлиять на ситуацию». Мой Ангел держит меня за руку. Очень незаметно. Совсем не на пульсе. Какую свободу выбора он нам даёт? Вот, помню, на первом курсе познакомился с девушкой. Красивая. Говорит, что у неё одна мечта: купить бриллианты.

Тогда ещё не было песни про «лучшие друзья девушек – это бриллианты». Мне это тогда показалось забавным. Мо-

лодым все кажется забавным. Но ведь кто-то влип в эти бриллианты? Ангел меня потащил от неё подальше. И так несколько раз.

Подозреваю, что он вмешивался в мою судьбу. Он парень с юмором. Всё подсказывал: «Ну-ка ответь москвичке, которая мечтает поехать за границу, что поездка будет не за, а на границу». Вот она и растворилась в дали. Так он и подвёл меня к счастливой любви.

А на трассе Киев – Одесса? Он был со мной. На скорости сто тридцать километров в час я заснул. Один был в машине, весна, солнышко пригревало. Ещё и выпил таблетку от головной боли, которую нельзя пить за рулем. Это я потом прочитал. Мне снился хороший сон. Солнечный дом, поле. Ангел не спал. Он начал трясти мое плечо: «Вставай, вставай!»

Я понял, что уже утро, и открыл глаза. Машина ехала с той же скоростью по обочине ровной дороги. Немного осталось до кювета. Сон улетел стремительно вместе с Ангелом.

А я вспотел от страха. Моментально, как тогда, на лошади. Вспомнил поездку на пост Хабарасу на китайской границе. Семь часов верхом. И обратно семь часов. На обратном пути лошадь шла шагом, было тепло, и я задремал. Тропа вилась вдоль ручья, и кони переходили то на один, то на другой берег. Тут моя лошадь решила не перейти, а перепрыгнуть ручей. Ангел-Хранитель не сдержал её, стоял и смеялся, как сонный лейтенант взлетел над лошадьёю, а потом при-

землился мимо седла на луку –железную скобу перед седлом. Смешно, но так больно, что весь мир стал фиолетовым, а гимнастерка потемнела от пота. Конечно, у меня к нему есть претензии, почему не предупредил, почему не остановил, когда я хотел сказать глупость или что-то лишнее. Он оправдается. У него другие функциональные обязанности. Он хранитель, а не суфлёр. Но ведь позвонил в Одессе, предупредил, что сфабриковали «дело» на многих страницах и всё подслушивают, подглядывают, да записывают. Что пора уезжать до лучших времён.

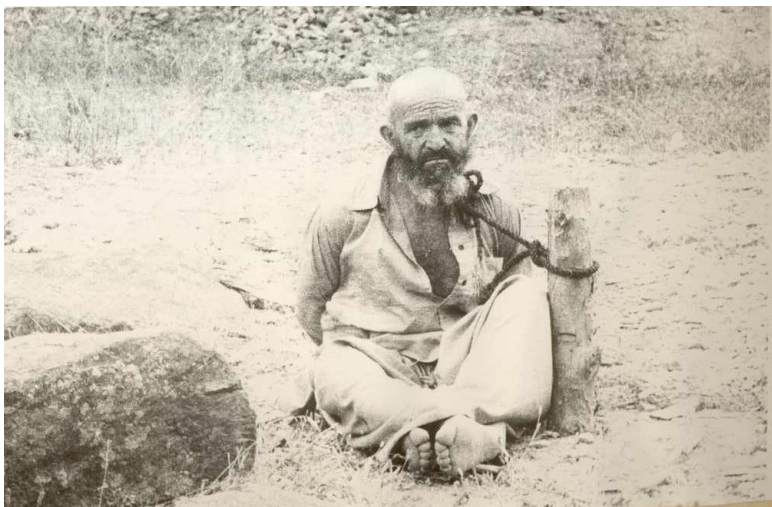
– Не для того тебя хранил, чтобы ты окончил жизнь в подвальном помещении СБУ.

– А для чего? – Не знает. Секрет его Шефа, заказчика охраны. А он исполнитель. Ну и дай бог здоровья Ангелу. И пусть Шеф объявит ему благодарность за хорошую службу с отметкой в личное дело. А я постараюсь поменьше его беспокоить своим поведением. Пусть сложит крылья и отдохнет немного.

2017 год

Его звали Зурон

Рядом шумела чистая горная река Куфаб. Она бежала вниз к реке Пяндж, в сторону Союза. На её берегу сидел пожилой афганец.

Это был Зурон. Связанный по рукам и ногам, привязанный грубой верёвкой к вбитому в землю колу. Афганцы такой верёвкой привязывают свою скотину. Зурона поймали местные жители. Хотя, опасаясь мести басмачей, расскажут своим землякам, что это сделали мы, «шурави».

Новая народная власть построила в кишлаке школу. При-
слали из Файзобада учителей. Школа такая себе, без стекол в
окнах, в зимнее время ученикам объявлялись длинные кани-
кулы. А как потеплеет, по горным тропам к школе шли уче-
ники. Да вот в банде Зурона оказались «настоящие мусуль-
мане» ваххабиты. В Афганистане я впервые услышал про
ваххабитов и сначала решил, что это просто люди избанды
некого Абдул Вахоба, был и такой в этих горах.

Зурон решил, что учителя в школе преподают неправиль-
но, не так, как он своей лысой головой понимает ислам. Бан-
да сделала налёт на школу. Восемь учителей были схваче-
ны, приведены к реке, где Зурон лично перерезал им горло.
А такой благообразный старичок! Я даже убрал часть фото-
графии, на которой видно нас с солдатом – переводчиком,
из советских таджиков, и связанного телохранителя Зурона.
Всякое бывает: кто-нибудь разместит в интернете или СМИ
фотографию с комментариями, что советские чекисты изде-
ваются над стариками.

В семидесятых годах в Высшей школе КГБ занятия по во-
енной подготовке проводил ветеран Отечественной войны,
который участвовал в уничтожении банд ОУН-УПА после
войны. Тема занятия: «Войсковые мероприятия по прочёске
лесной местности». Он нас учил, чтобы мы дисциплиниро-
ванно вели цепь по лесу, намечали «рубежи выравнивания»,
при огневом контакте отправляли на место боя резерв, а вся
цепь оставалась бы на месте. В его практике были случаи,

когда после провокационных выстрелов вся цепь сбивалась, бойцы шли на подмогу, а банда уходила из ловушки. Приходилось всё начинать с начала. На привалах он нам рассказывал, как озверевшие националисты после окончания войны уничтожали партийно-хозяйственный актив и даже врачей и учителей.

– А зачем учителей?

– Так они, по мнению бандитов, могли научить детей интернационализму и коммунистическим идеям. А им нужен национализм и смерть «ворогам».

А кто эти «вороженьки», о которых даже в современном украинском гимне упоминается, что они «сгинут»? Список гибкий. Дежурные враги – жида, москали и поляки. Теперь поляки временно вычеркнуты из списка, жида под вопросом, а москали поделились на «ватников», «колорадов», «сепаратистов». Произошли ещё и мутации: появились «жидобандеровцы» и русскоязычные бандеровцы.

Бандиты убивали учителей. И ваххабиты, и бандеровцы. Идеология отличается, результат одинаковый.

Я потом взялся курсовую работу писать по истории органов ВЧК-КГБ, о тактике действий опергруппы «Ходоки», которая вела борьбу с националистическими бандами. Создавалась группа из числа жителей Карпат, многие из которых воевали в конце войны в рядах Советской армии. Разве была у меня мысль, что бандеровцы воскреснут на Украине и станут «героями»?

Теперь переписывают историю. Вятрович из «Института национальной памяти» и его компания бесстыдно фабрикуют «документы», которые должны свидетельствовать, что учителей, врачей и других мирных жителей уничтожали именно группы НКВД – МГБ, чтобы вызвать недовольство местных жителей. Живых свидетелей тех времён всё меньше. И всё больше на Украине тех, кто «обманываться рад».

В Афганистане мы тоже формировали такие группы из числа бывших моджахедов и сочувствующих народной власти горцев. Работа с такими людьми должна быть тонкая и очень деликатная. Они работают в интересах своей Родины, своего народа, «светлого будущего». У них родственники в каждом селе, их там знают. И они не роботы, чтобы выполнять любые инструкции. Представляю, что было бы с нами, если бы мы дали им задание убить учителей, для того чтобы вызвать недовольство местных жителей бандитами. Они бы могли нас расстрелять на прощание и уйти к басмачам. Так вот, учителей в афганском кишлаке убил Зурон! Может, тоже перепишите историю и скажете, что это мы резали учителей в Афганистане? Чтобы вызвать недовольство Зуроном. Пошлите туда в командировку Вятровича и его подручных. Они найдут «документы». Подтвердят.

Как они подтверждали «голодомор». Это такое слово, означает, что русские украинцев уничтожали с помощью голода. Американское изобретение времён Ющенко. Его жена-американка раскручивала кампанию. И все забыли, что у

коммунистов был «классовый подход». Могли уничтожить дворянство как класс. А вот уничтожить по национальному признаку – это обвинение совсем не по адресу. Этим занимались националисты и фашисты.

Звонок Вятровича в СБУ одной из южных областей Украины.

– Дайте данные, с фамилиями, сколько человек в вашей области умерло от голода в 1932-33 годах.

Опять звонок через пару дней.

– Почему так мало? Посчитайте всех, кто умер за этот период.

Посчитали, передали.

– Маловато будет. Добавьте всех, кто умер ещё и в 1934 году.

Добавили.

Как досадные недоразумения воспринимаются националистами разоблачения, что обнародованные украинскими политиками фотографии голодомора на самом деле сделаны в Поволжье или в Америке в начале двадцатого века. Или в документах МГБ, якобы свидетельствующих о провокационных расправах на Западной Украине советской власти над своими врачами и учителями в послевоенные годы, стоит подпись секретаря, которая была принята на работу в КГБ в шестидесятых годах.

Догадываюсь, что всё уже исправили: и документ, и фото-

графии убрали, и активных докапывающихся унасекомили.

А в последние годы ложь о событиях на Украине видна без глубоких исследований и аналитики. Вот, известный удар украинского самолёта-штурмовика по центру Луганска. Погибли мирные жители. Погиб бывший военнослужащий загранобъекта «Убагн» погранвойск СССР в Афганистане Александр Гизай. Он выжил в сложных боевых условиях, а погиб в центре города Луганска. Всё очевидно. Вменяемые власти должны были извиниться и пообещать найти и наказать виновных. Но не на тех напали! Началось дурацкое враньё про кондиционер, который взорвался на окне городской администрации.

Любой факт украинской повседневности начинаешь перепроверять – обнаруживаешь ложь. Вот Порошенко поехал в Европу с куском обшивки автобуса, который, по его словам, был уничтожен «сепаратистами» при обстреле блокпоста в районе Волновахи 13 января 2015 года. Верю только своим глазам. И что вижу на фотографиях? Ни одного следа крупного осколка от ракеты БМ-21, обшивка не деформирована, передние и задние стёкла целые. На ступеньках просматривается поражающий элемент от мины направленного действия МОН. Снарядов «Града» с такими элементами не выпускалось. Но ведь имеются съёмки удара, по блокпосту. Рассказываю свою версию другу, тоже бывшему офицеру, ветерану афганской войны.

– По моей версии, взрывом «Града» вырвало большой ку-

сок мерзлой земли, который прилетел к посту, ударил по мне. В результате она развернулась на сто восемьдесят градусов и взорвалась. Есть же съёмки момента взрыва.

(Хотя самому мне такое объяснение напоминает выступление адвоката в Европе, защищавшего арабского насильника. Якобы насильник нечаянно споткнулся и упал на девушку, и так всё получилось в падении.)

– Ты знаешь, я разговаривал с адекватным полковником, который служит в районе «АТО», – начал объяснять друг.

– И что он рассказывает?

– Да плюется, что не может научить слабоумных солдат ставить МОН вогнутой стороной к противнику. Вот так они и поставили мину на посту возле Волновахи. А кто-то из пассажиров автобуса сбегал «в кусты».

– А как же съёмки обстрела? – спрашиваю друга.

– Съёмки были в другое время и в другой день. Там всегда стоит какой-нибудь автобус, картинка всегда одинаковая.

А зачем Порошенко обманывал, что в день трагедии с «Боингом» на Донбассе ни один военный самолёт Украины не поднимался в воздух? Оказалось, что поднимались. Диспетчеры знают. В сложных операциях всегда что-то идёт не так, как планировалось. И тут у военного самолёта не выпускалось переднее шасси. Ему искали аэродром без бетонной дорожки, чтобы посадить на фюзеляж. Нашли под Днепропетровском, аэродром «Майский». Туда приехали СБУшники в чёрной форме, выгнали всех до единого с аэродрома.

Самолёт приземлился. Его в этот же вечер распилили на части, накрыли тентом и с наступлением темноты вывезли с аэродрома. Зачем такая секретность? Какое отношение к сбитою «Боингу» имел этот самолёт? Узнаем через много лет или никогда?

Разве можно жить в семье, основанной на лжи? А создать крепкое государство? Семья не сохранится. И государство не получается.

2017 г.

Люди и звери

Люди

Если начинался обстрел, то чаще это происходило на закате. Бандиты знали, что с наступлением темноты могут уйти по ущелью. Или в первой половине ночи. И уже так повелось, что офицеры, которые служили на этом объекте в афганских горах, ложились спать очень поздно. Ходили на проверки постов или играли в «шиш-беш», так там назывались нарды. Сверху нас прикрывал маленький пост, назывался «Микрон». Старшим там был офицер-«двухгодичник», были и такие в нашей армии. Высокий симпатичный лейтенант, кандидат в мастера спорта по борьбе самбо. Тёмным безлунным вечером звонит по телефону командиру объекта.

– Товарищ майор, часовой доложил, что камушки посыпались с осыпи; у меня автомат с ночным прицелом, я вышел из землянки, посмотрел, а на тропе сидят пять вооруженных душманов!

– Ну так расстреляй их!

– Не могу, товарищ майор, я их вижу, а они меня нет, это как убийство.

Майор отнесся к этому с пониманием – уже третий год на войне.

– Хорошо, гранату сможешь в них бросить?

– Сейчас попробую.

Через некоторое время раздался взрыв. Потом доклад по телефону.

– Они услышали, как я ходил звонить, и стали уходить по тропе. Я им вслед бросил гранату.

В его голосе звучала радость, что не пришлось убивать.

Мы стали обсуждать, как в наших людях глубоко сидит заповедь «не убий», и что это нормально.

– Душманов нельзя жалеть, – сказал майор, – они под Чатнивом убитым из засады бойцам разрезали горло и язык вытаскивали. Им что овцу зарезать, что человека. Не зря у них идёт 1365 год. Жестокое Средневековье.

– Мы же не они, у нас 1985 год.

Все с этим согласились. Кто-то пропел появившуюся в тех краях песенку: «Здесь в сердцах уживаются ярость и жалость, и по-прежнему в душах надежда жива». Жалость.

Однажды группа с объекта вышла организовать засаду к мостику через горную речку и по пути движения наткнулась на крупную банду, которая шла в соседний кишлак. Головной дозор был из опытных бойцов. Бросили по гранате, открыли огонь по вспышкам выстрелов и отступили вместе с основной группой, на объект. Без потерь. У молодого офицера в горячке после боя появилась идея обстрелять кишлак из 120 мм миномета. Но опытные офицеры сразу ему объяснили, что этого делать нельзя. Мы не звери.

– Стрельни и садись сразу писать объяснительную. А завтра пойдешь объясняться со старостой села и местными вла-

стями по поводу убитых или раненых мирных жителей.

Обработали тропы из ЗУ-23 и на этом успокоились. Да, афганское население было для нас людьми. По кишлакам были очень редко. А по городам – никогда. Люди и на войне – люди.

Звери

Вот мы и дожили до 2014 года. На Украине. В Одессе. И вдруг в людях проснулась звериная ненависть. К своим. Или к бывшим своим. Что для этого должно было произойти? Воздействие на подсознание пропаганды или, может, крикнуть сто раз «Слава нации, смерть врагам», «Слава Украине, героям слава», «Слава нечистому» вместо традиционного «Слава Иисусу», и что-то необратимое произойдёт в душе, в подсознании? Ведь учили нас методу самоприказа для преодоления стресса: скажи себе 100 раз: «Спокойно» – и начнёшь успокаиваться. Скажи человеку много раз, что он свинья, и запахнет свиньёй. Особенно если говорить будут большим хором.

Вспоминаются чьи-то психологические исследования о том, что людоеды никогда не ели людей. Люди – это они сами, а ели они не людей, а врагов, которые нелюди. Но это троглодиты, а современному человеку как внушить, что его одноклассник, сослуживец или родственник теперь «вата», «колорад» или «сепар», а совсем не человек, и его можно убить и съесть? Оказалось, что можно внушить это не только молодым, не читавшим ничего длиннее СМС и не утруждавших

себя мыслью, но и вполне образованным людям.

Один мой бывший сослуживец поехал воевать в так называемую АТО. Я думал, что он из денежных соображений, говорил ему, что лучше утонуть золотом, чем всплыть дерьмом, – оказалось, что его сознание тоже тронулось 1365 годом.

Когда приехал назад, мы у него спрашивали, как же можно убивать своих людей?

– Да какие они свои? Все уголовники. Я посмотрел, как их тела закапывали в траншею в районе Краматорска – все они синие от татуировок. Если бы им Россия не дала оружие, мы бы их удавками передушили.

– А зачем?

– Они же враги.

– А чего они хотят, поговорить с ними не пробовали?

– Они враги, они пришли на нашу землю.

– Сам же говоришь, большинство – местные...

Знакомый сотрудник СБУ «инструктирует»:

– Если кто-то из ваших попадет на «бытовом сепаратизме», ну скажет что-то вразрез с официальной точкой зрения, то главное, чтобы с ним не поступили «по-фронтовому».

– А как это—«по-фронтовому»?

– Да тут «фронтовиков» приняли на службу «по-фронтовому»— это не получив доказательств, по одному доносу, схватить человека, надеть мешок на голову и пытаться, пока признается. Потом обыск и обязательное обнаружение гра-

наты. Хотя в последнее время практикуются больше «жесткие задержания». С поломкой рёбер... Да мало уже осталось в следственном изоляторе сепаратистов и изменников родины, всего человек 50. Жизнь нормализуется. Времена меняются. Меняются ли?

Спрашиваю ещё одного офицера, как же там стреляют по Донецку, – мы даже в «чужом» Афганистане такого не делали.

– А я тоже спросил артиллериста, как можно стрелять по городу, где живут люди?

– Яки там люди? Люди уихалы, залишились террористы та сепаратисты. Огонь! – скомандовал артиллерист.

Людоеды не ели людей. Только террористов и сепаратистов с другой стороны острова, тех, которые не люди.

Одесса, дом профсоюзов. Выберу психологические моменты, характеризующие событие. Вот все уже сгорели. Одесский подонки звонит на идущую в прямом эфире передачу Шустера и торжественно объявляет, что якобы у всех сгоревших российские и приднестровские паспорта. И студия зааплодировала! Не один человек, не два, большинство присутствующих! Сожгли не людей, а приднестровцев и россиян! Людоеды не едят людей! Потом оказалось, что погибшие – свои, одесситы. Да аплодисменты уже улетели, назад не вернёшь. Съедено.

А выпрыгивающих с третьего-четвёртого этажа на асфальт добивали контрольным ударом в голову! При этом

кричали: «Смерть врагам и слава Украине»! Это им, по-видимому, давало возможность приобщиться к очень большой социальной группе, растворить свою ответственность, получить социальную поддержку. А было ли в их подсознании понятие «не убий»? Не вложено, не запрограммировано родителями и обществом? Или убито специальным «вирусом»?

Из здания слышится женский крик: «Помогите»! Из окружающей толпы: «Хай тебе Путин поможет»! Смех и опять: «Слава Украине»! Прославили. Но Путин не помог. И бог не вмешался. Они были очень далеко и не слышали. Не слушали.

Игоря Немодрука, прошедшего этот кошмар, поразили некоторые наблюдения. Ему, лежащему в крови, какой-то «футболист» в военных ботинках зафутболил под глаз с такой силой, что мясо слезло со щеки. А потом подошёл молодой человек с электрошокером. Приставил его Игорю в бок, нажал и стал с улыбкой заглядывать в глаза, наблюдать реакцию. А на небольшом удалении стояла молодая пара. Парень, как на экскурсии, показывал рукой на тех «патриотов», которые в это время разбивали битой головы сидящих или лежащих перед ними окровавленных людей, а девушка улыбалась. (А у нормального организма при таком зрелище возникает рвотный рефлекс. Однокашника Алексея рвало во дворце Амина, а когда через несколько месяцев вручали Орден Красной звезды – накатили воспоминания: пропитанное кровью ковровое покрытие и этот запах, –выбежал из зала,

опять вырвало. Здорового мужика.)

А эти улыбки как объяснить? Пляска людоедов перед подаванием поверженного врага? Почему не съели?

Если не хотели есть, то как всё это можно понять? Уничтожение «колорадов» для спасения своей любимой картошки? Так и «картошку» совсем не спасли.

Сказать: «гражданские войны самые жестокие» – тоже мало что объясняет.

Особенно в Одессе, где войны ещё не было. Может, виноваты компьютерные игры? Плохих орков или инопланетян убить всех.

Написал, чтобы сделать вывод в конце: «Не понимаю». Как люди становятся зверьми? Есть ли для них обратный ход? Хотелось бы верить, что есть. В начале Отечественной войны тоже многие наивно верили, что вот сейчас немецкие рабочие передошат фашистов, не дадут нас в обиду. И не понимали. Люди не понимают зверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.